

Юлия Рыкунина
«Не преступи чрез мой порог...».
Из комментария
к «забытому» роману З. Н. Гиппиус

В книге воспоминаний «Дмитрий Мережковский» З. Гиппиус, касаясь своей деятельности рубежа веков, в частности, пишет: »... наш более чем скромный бюджет пополнялся все-таки отдельными работами Д. С-ча в разных местах: в Сев. вестнике, в Вест. Иностранной Литературы; были, кроме того, его поэмы... Когда же он принял за «Юлиана»¹ — все это кончилось, и наступила моя очередь; тут-то я и принялась, как умела, за свои романы: главным образом — у Шеллера-Михайлова, в Жив. Обозрении, и у Гайдебурова («Наблюдатель»). <...> Романов этих я не помню, даже заглавий, кроме одного, называвшегося — «Мелкие волны»². Что это были за «волны» — не имею никакого понятия и за них не отвечаю. Но мы оба радовались необходимому пополнению нашего «бюджета», и необходимая Д. С-чу свобода для «Юлиана» этим достигалась»³.

Гиппиус, как видно, действительно не придавала большого значения своим романам этого периода (заметим, что те, которые нам известны, написаны уже во время работы Мережковского над второй

© Julia Rykunina, 2011

© TSQ 36. Spring 2011 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

Выражаю искреннюю благодарность А. Л. Соболеву за помощь в работе.

¹ Роман Д. С. Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник», первая часть трилогии «Христос и Антихрист». Первоначально был опубликован в 1895 году в журнале «Северный вестник» под названием «Отверженный».

² Роман «Мелкие волны», насколько нам известно, не выявлен.

³ «Дмитрий Мережковский» // Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. М., 2002. С. 234. Надо отметить, что немалую роль в вынужденном обращении Гиппиус к массовым изданиям сыграл разрыв Мережковских с журналом «Северный вестник» (1897), в котором они постоянно печатались в 90-е; впрочем, и в пору сотрудничества журнал не баловал авторов высокими гонорарами. О сложных взаимоотношениях Мережковских с «Северным вестником» и его фактическим главой А. Л. Вольнским см., например: «Северный вестник» и символы // В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930; Письма З. Н. Гиппиус А. Л. Вольнскому / Публ. А. Л. Евстигнеевой и Н. К. Пушкаревой // Минувшее. Вып. 12. Paris, 1992.

частью трилогии «Христос и Антихрист» — «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи»), писавшимся с коммерческой целью для массовых изданий. Между тем они достойны исследовательского рассмотрения — как для понимания ее творческого пути в целом, так и для более глубокого прояснения литературной позиции писательницы в период с середины 90-х годов до начала нового века — т. е. в тот отрезок времени, который предшествовал их с Мережковским повороту к «новому христианству».

Итак, в этот период «промежутка» Гиппиус были написаны романы «Без талисмана» (впервые: журнал «Наблюдатель». 1896. № 5—9), «Победители» (впервые: Ежемесячное литературное приложение к журналу «Живописное обозрение». 1898. № 1; отдельное изд.: СПб., 1898) и «Сумерки духа» (Жизнь. 1900. Кн. V—VII). Некоторые штрихи к авторской оценке и истории создания второго романа, о котором пойдет речь в нашей заметке, мелькают в письмах Гиппиус, хронологически предшествующих его появлению. В письме В. Д. Комаровой (писательнице, известной под псевдонимом Владимир Каренин) от 29 июля 1897 года Гиппиус сообщает: «Вещь, которую я теперь пишу (по дневникам — настоящим — одного студента), — уже продана. Это скверно, но такова жизнь»⁴. Не исключено, что именно о «Победителях» идет речь и в следующем пассаже из того же письма: «Я, без всякой «женской» скромности, очень искренно считаю себя неспособной к вещам трезвым, сочным, как я выразилась — «из плоти и крови». Именно теперь я пишу подобную вещь (в последний раз!) и с каждой строчкой в отчаянии повторяю: не то! не то! И веселья никакого нет в писании, душа участвует лишь наполовину, и я с недоумением жду момента, когда опять начну что-нибудь в моем духе — на пол-аршина от земли»⁵. 23 ноября она пишет П. Перцову: «Я за лето написала три повести, из них одну — целый роман»⁶.

Надо пояснить, что к этому времени Гиппиус уже выпустила свою первую книгу — «Новые люди» (1896), содержащую рассказы и стихи; книга была замечена «народнической» критикой и оценена ей

---

⁴ Письма Зинаиды Гиппиус к В. Д. Комаровой. Предисловие, публикация и комментарии Н. А. Богомолова. // IN MEMORIAM: Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб., 2000. С. 200. Как замечает в комментарии к письму Н. А. Богомолов, роман к этому времени не был продан, о чем свидетельствует письма Мережковского к П. П. Перцову от 16 и 20 сентября. (см.: Русская литература. 1991. № 2. С. 169—170).

⁵ Там же. С. 199.

⁶ Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / Вступ. статья и публ. М. М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 127.

резко отрицательно⁷. Именно в этом сборнике Гиппиус пыталась, кажется, впервые осуществить свое стремление писать вещи «на поларшина от земли»: это проявилось не столько в мистических и фантастических мотивах, сколько в характерах, действующих вне обывательской логики.

Первая часть романа «Победители» представляет собой дневник учащегося восьмого класса пансиона Юрия Карышева; дневник начинается 1889-ым годом. В класс незадолго перед этим был переведен Александр Елисеев — студент «не глупый», начитанный, но странный; он мало с кем общается, читает «Илиаду» и «строит из себя пророка». Впоследствии оказывается, что Елисеев пишет стихи, которые Карышев характеризует как «дичь» (сам он тоже пишет стихи: «...Когда бессонными ночами / Ты плачешь о семье родной, — / На небо скорбными очами / Взгляни, — помолимся с тобой!»)⁸; Елисеев читает ему новых французских поэтов и объясняет про «звуки» и «музыку», — Карышев же отвечает, «что в каждом стихотворении должна быть идея». Елисеев, по мнению протагониста, «молоденький старичок», который не знает, «какое наслаждение чувствовать молодую бодрость в здоровом теле, силу и упругость мускулов»; он проповедует «безнравственность» и при этом ведет с другим студентом, христианином Яшей, беседы о Боге. Карышев, руководствуясь «здравым смыслом», переводится с математического факультета Московского университета в Петербургский институт инженеров путей сообщения; сблизается с Елисеевым (он влюблен в его замужнюю кузину) и, окончив первый курс, едет погостить к нему на дачу в Лугу. Во второй части Елисеев развивает свои декадентские теории пред девушкой Нелли, невестой Карышева, богатой наследницей, уговаривая ее покончить с собой «ради красоты, ради гармонии, ради божественной бесцельности, ради вас и ради Бога»; себя он при этом называет «тружеником» и «мучеником», чья работа «победить безобразия жизни». Нелли не следует его призыву. В финале романа Елисеев предстает жалким наркоманом, Карышев же говорит Нелли, что они «истинные победители жизни».

---

⁷ См. например: А. Богданович < «Новые люди» > — «Мир Божий». 1896. № 2. С. 234—259; Б. Глинский. Болезнь или реклама. Исторический вестник. 1896. № 2. С. 633—636; А. Скабичевский. Литература в жизни и жизнь в литературе (Критические письма). Письмо третье. Новое слово. 1896. № 7. С. 60—85.

⁸ Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 1. Новые люди: Романы. Рассказы. М., 2001. С. 178 Далее текст романа цитируется по этому изданию с указанием в скобках страницы.

Изломанный эстет и отгалкивающий своим здравомыслием позитивист воплощают две одинаково неприемлемые крайности, что отражает литературную позицию Гиппиус той поры; спустя много лет, уже в эмиграции, она была сформулирована в письме Г. Адамовичу от 5 сентября 1928 года: «Я стремилась прочь от всякого «декадентства», отрекалась от него, издевалась над ним, объявляла и проповедовала «простоту» (историческая информация для вас). Мое время было, однако, очень трудно, бороться за простоту приходилось на два фронта, т. е. прежде всего, против П. Я.⁹ Надсона и т. д., а тут же и против фиолетовых рук на эмалевой стене¹⁰»¹¹.

Остановимся подробнее на «борьбе с декадентством»¹², как она отразилась в нашем романе. Как уже отмечалось, прототип Александра Елисеева — поэт Александр Добролюбов¹³. На это намекают отдельные черты его поведения, отраженные впоследствии в биографических статьях о поэте и в различных воспоминаниях¹⁴. В частности, о проповеди самоубийства рядовой читатель мог узнать из редакционной биографической статьи в книге: «Русская литература 1890—1910 / под редакцией С. А. Венгерова»¹⁵.

Стихи Добролюбова Гиппиус неизменно оценивала как плохие, как «не стихи», а «крики человеческой души»; в его «декадентские» годы он внушал ей «неприятное впечатление»; однако ей оказались

---

⁹ Поэт П. Ф. Якубович.

¹⁰ Из стихотворения В. Я. Брюсова «Творчество» (1895).

¹¹ Цит. по: Pachmuss T. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus: iz perepiski.* München, 1972. С. 382.

¹² Борьба З. Гиппиус с декадентством началась еще в пору ее сотрудничества в «Северном вестнике» — см. ее письмо под псевдонимом Л. Денисов опубликованное в составе статьи А. Волинского. Литературные заметки (Декадентство и символизм) // Северный вестник. 1896. № 12.). В «Автобиографической заметке» она пишет: «Замечу, что европейское движение «декаданса» не оказало на меня влияния. Французскими поэтами я никогда не увлекалась и в 90-х годах мало их читала. Меня занимало, собственно, не декадентство, а проблема индивидуализма и все к ней относящиеся вопросы.» (Гиппиус З. Н Собрание сочинений. Т. 1. Новые люди: Романы. Рассказы. М., 2001. С. 524.)

¹³ См. комментарии к роману в кн.: Гиппиус З. Н. Сочинения. Романы в 2 томах. Т. 1. Без талисмана. Победители. Сумерки духа / Вступ. ст., сост., подгот. текста и комм. Т. Г. Юрченко. М., 2001. С. 364—365.

¹⁴ См., например, главу «Александр Добролюбов» в воспоминаниях Андрея Белого: Белый А. Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2 / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М., 1990. С. 398.

¹⁵ См.: Русская литература 1890—1910 / под редакцией С. А. Венгерова. Послесловие, подгот. текста А. Н. Николюкина. М., 1914. С. 160.

близки его религиозные поиски¹⁶. Оставив литературу и уйдя странствовать, он стал для символистов своеобразной легендой; писали о нем, как правило, именно в связи с биографическим мифом, интерпретируя его как искупление греха декаденства¹⁷.

Однако помимо «добролюбовского» следа в романе можно обнаружить след другого декадента, в то время неразлучного спутника Добролюбова. Одна из центральных сцен романа — чтение Александром перед «дачным» обществом своих декадентских стихов:

«Александр, не вставая, стал читать. Он читал просто, ясно, только чересчур подчеркивая рифмы:

Не преступи чрез мой порог:
Над ним проклятие Иеговы,
Блюдут всевидящие совы
Мой целомудренный порог.

Отвергнул Бог мой светлый грех -
Меж грязных плевел чистый колос,
И сатана мой робкий голос
Подъял завистливо на смех.

И тени гордые легли
На мой приют — вдали веселий...
Я кликнул сов из всех ущелий,-
Они послушно притекли

И сели мрачно на порог...
Мой дом с тех пор надежно сплочен;
Блеск мудрых глаз их непорочен,
И я один, как мой порог.

Он кончил. Прошла секунда молчания». (С. 218)

---

¹⁶ См. статью 1900 года «Критика любви» / Литературный дневник. // Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 7 Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899—1916 гг. М., 2003. С. 30. См. также: «Дмитрий Мережковский» // Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. М., 2002. С. 243.

¹⁷ Сходное отношение к Добролюбову было у Д. В. Filosofova: «Недавно мне пришлось встретиться с человеком в полном смысле слова святым. Я говорю про Александра Добролюбова. Он из хорошей семьи. Был знаменитым поэтом-декадентом, а теперь бросил все, ходит в полушубке и валенках, работает на барках и исходит пешком всю Россию, насаждая среди людей веру в Бога» (письмо Е. В. Дягилевой от 3 января 1905 г. — ИРЛИ. Ф. 102. Ед. хр. 189. Л. 36 об — 37).

Об Александре Добролюбове см.: Е. В. Иванова. Александр Добролюбов — загадка своего времени. Новое литературное обозрение № 27. 1997; Азадовский К. Путь Александра Добролюбова // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник III (Ученые записки Тартуского университета, вып. 459). Тарту. 1979. С. 121—146; А. А. Кобринский «Жил на свете рыцарь бедный...» (Александр Добролюбов: слово и молчание) // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов (Новая библиотека поэта). СПб., 2005. С. 429—474.

Стихотворение принадлежит Владимиру Гиппиусу, троюродному брату Зинаиды Николаевны; оно вошло в его дебютный сборник «Песни» (1897)¹⁸. Эта книга (как и в целом творчество Гиппиуса) сравнительно мало изучена. Более того, по объективным причинам, процитированный нами фрагмент романа является едва ли не единственным печатным «откликом» на нее. В большой степени в этом «виноват» сам автор, его жесткая самокритичная позиция и отношение к литературной среде и современной литературной ситуации в целом. Об этом он пишет в письме В. Я. Брюсову от 12 января 1897 года, объясняя, в частности, почему не может в качестве ответного жеста преподнести поэту свою книгу:

<...> Спешу поблагодарить Вас письменно за любезную присылку Вашей книжки; с радостью отблагодарил бы Вас своей книжкой, да не могу, ибо нахожусь ныне в том периоде душевного состояния, когда книжка моя мне мерзает и давать ее, конечно кому-нибудь нет никакой психологической возможности. Показывать, да! Но не давать! Один раз прочесть не тоже что всегда читать... Как жаль, что не зашли, так хотелось бы с Вами побеседовать, Me eum esse мне понравилась гораздо более предыдущих Ваших книжек, хотя с Вашими техническими нововведениями я совершенно не согласен, как противоречащими в большей части — духу русского языка. Простите мимолетную критику, к которой Вы, конечно равнодушны.

Итак, я издал книжку, которую не *выпускаю* «в свет» (какое ироническое выражение — для книги, для русской книги в особенности!), потому что считаю ее крайне несовершенной, зачем же вступать на трибуну и говорить несовершенное? Не ценят ни совершенного, ни несовершенного. Отсюда — говорить пред толпой несовершенное уже вовсе не приходится. Еще одна (предположительная) версия — чердак, подвал. Почему мой чердак хуже Суворинского, Вольфовского и прочих? *Мой* — лучше.

Еще если — совершенно, то что написал, тут в выходе твоём в толпу, есть оттенок непонимаемого пророка, это некоторых утешает... Я не насчет оскорбляемого писательского самолюбия. Оно уже оскорблено давно, тысячи лет назад, и не мне проживать давно прошедшее; я только рассудком понимаю всю бессмысленность яв-

---

¹⁸ Следующее «стихотворение Александра Елисеева», которое он зачитывает перед публикой, «Полувывающие цветы... / Я не любил их и лелеял», также принадлежит Вл. Гиппиусу; оно войдет в его сборник стихов 1896—1906 года «Возвращение» (1912) с посвящением Зинаиде Мережковской. А третье стихотворение в той же сцене «Амариллис» принадлежит К. Д. Бальмонту и входит в его книгу «Тишина».

ний, и не хочу прибавлять к их числу еще одного, потому что не стоит. Когда в журналах печатают, — другое! Во-первых журнал — дело общественное, в нем и беллетристику, и стихи читают с точки зрения житейской и выуживают оттуда, какие-то общественные зачеркнуты намеки, какие-то авторские указания — на быт, на нравы (слово-бы стоило огород городить, что бы намекать и указывать на нравы, но читатель этим живет, это во всем ищет;); в журнале я не единица, а часть целого. Пускай себе, что угодно, находят, и возвышают меня и унижают. Все равно они глядят с той стороны, на которой я никогда не бывал. А книга — дело другое, да книги и не покупают. Книга дело — личное и конечно, в России совершенно бескорыстное. С книгой выступать — выходить на трибуну.

Думал я это еще раз по поводу издания Вашей новой брошюры и не понял Вас. Не верю, чтобы Вы считали эту брошюру вполне совершенной, а если нет — то для чего же? — Извините ради Бога! Если касаюсь то, чего не должен был бы, может быть, касаться... Я искренно Вас не понимаю, как не понимаю многих, если не всех почти. А впрочем — извините! <...>¹⁹.

Сравним этот документ с записью в дневнике Ф. Ф. Фидлера: «За чаем <...> сидели: Флексер <...> Ясинский <...> и Владимир Гиппиус; он выпускает в ближайшее время сборник «Песни», из коих еще ни одна не появилась в печати: «Ни в одном журнале не берут моих стихов». Все добродушно посмеялись над его декадентством, особенно Зинаида Николаевна, а ведь она сама — декадентка *pur sang*»²⁰.

Итак, книга «Песни» не была «выпущена в свет», что на деле означало — была издана без права продажи и рецензирования²¹. Трудно с уверенностью сказать, что все-таки послужило основной

---

¹⁹ РГБ. Ф. 386. Карт. 82. Д. 32 л. 1об. — 3 об. Письмо Брюсову частично цитировалось в комментариях А. В. Лаврова в кн.: Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890—1902 гг. / Вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 411. Заметим, что Брюсов присматривался к начинающему поэту. Так, 6 августа 1894 года он заносит в дневник: «Вчитываясь в моих знакомых символистов, начинаю предпочитать стихи Добролюбова. Гиппиус эффектней, но слабее» [Дневник Брюсова. М., 1927. С. 18]. А 7 апреля 1896 года он записывает: «Зато Вл. Гиппиус — о, это человек победы! Он горд и смел и самоуверен. Через год он будет читаться, через пять лет будет знаменитостью. Исполать ему.» [Брюсов В. Дневники (1891—1910). М., 1927. С. 24].

²⁰ Запись от 29 сентября 1896. Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Вступ. статья, сост., пер. с нем., примеч., указатели и подбор иллюстраций К. М. Азадовского. М., 2008. С. 190.

²¹ Об издательской практике ранних символистов и ее антирыночной направленности см.: Рейтблат А. И. Символисты, их издатели и читатели // Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 307—317.

причиной: максималистская позиция автора или советы друзей: согласно позднейшим воспоминаниям З. Н. Гиппиус (см. ниже), именно она убедила поэта поступить таким образом.

На одном из экземпляров книги есть дарственная надпись: «Александр Михайлович Добролюбову память дружеской совместной работы в искусстве»; на последней странице написано: «Издание не для продажи. Без права на рецензии».²² На другом экземпляре имеется инскрипт: «Любезному Федору Кузьмичу Сологубу от единомышленного автора. 18. 10. 1896»²³.

Итак, Сологуб, А. Добролюбов (однокашник Гиппиуса по 6-ой Петербургской гимназии), Мережковские — вот основной круг общения Вл. Гиппиуса в тот, период, о котором идет речь. Об отношениях с Мережковским мы скажем ниже; пока стоит сказать несколько слов о «Песнях».

В книге четыре раздела, обозначенных римскими цифрами. Первый раздел открывается циклом стихов «Песни о Леле» (о страстной любви к девочке-ребенку, впоследствии умершей); далее следует цикл «Из разных тетрадей». Второй раздел включает в себя ряд, по видимому, программных стихотворений — в частности, такой «манифест» отречения от народнических идеалов:

О, уйдем от людей, от труда и призывов крикливых
И уьемся как боги безумством глухого презренья!..
И бесстрастно мы взглянем, как плачет на выжженных нивах
Вековечное рабство — без веры в свое искупление.

Разбивая скрижали отцов, заповедавших сладость страдания,
Пред лицом вечно-сущего мрака, немой нищеты и терпенья,
Мы главу обнажим и дадим неразрывный обет отреченья,
Разбивая скрижали отцов, заповедавших сладость страдания.<...>

В этом же разделе отчетливо заявлен мотив пути: стихотворения «Путь» («Знаю путь я неиденный...»), «Мы пройдем с тобой сквозь великие / Запустения городов...», «В обетованную землю» (посв. Я. И. Эрлиху); а также предельно выраженного индивидуализма:

Я молюсь — одинокий,
Холодный,

---

²² Книга находится в одном из частных собраний. Сообщено А. Л. Соболевым.

²³ Проза Владимира Гиппиуса. Предисловие и публикация В. Н. Быстрова // Писатели символистского круга: Новые материалы / Ред. В. Н. Быстров, Н. Ю. Грыкалова, А.В. Лавров. СПб., 2003. С. 27.

Ненужный
И странный для мира,
Своему изваянью —
Единому
Вечному
И одинокому вовеки веков.

В третьем разделе помещена короткая пьеса «Се жених грядет» с подзаголовком «Пролог к мистерии» и цикл «Могилы. Из песен о земле» Четвертый раздел включает прозаические миниатюры²⁴. Несмотря на намеренную (?) «фрагментарность», книга воспринимается как единое высказывание (темы греха, добровольного затвора, противопоставления себя миру и отвращения к жизни переходят из стихотворения в стихотворение). Эмоциональное напряжение достигается в том числе собственно поэтическими средствами — особой мелодикой, которой автор, по-видимому, придавал большое значение, экспериментами с дольником и верлибром, использованием анжамбеманов, чередованием в рамках одного стихотворения длинных и коротких строк и др.

Творческий путь Владимира Гиппиуса описан А. В. Лавровым в биографической статье о поэте²⁵. В последнее время появился ряд публикаций о нем²⁶. Тем не менее такая проблема, как отношения писателя с Мережковскими и их роль в его творческом становлении и судьбе еще ждет своего исследователя. О Вл. Гиппиусе Зинаида Николаевна вспоминала: «В один прекрасный вечер к нам явились два гимназиста: один оказался моим троюродным братом, Владимиром Гиппиусом; раньше я его не знала. Его товарищ, черноглазый, тонкий и живой, был Александр Добролюбов. Они уже знали

---

²⁴ Разнородный состав сборника, включавшего и стихи, и прозу, и драматические наброски — характерная черта эпохи раннего символизма. См. об этом: Богомолов Н. А. Жанровая система русского символизма: некоторые констатации и выводы // Богомолов Н. А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 21.

²⁵ А. В. Лавров. Гиппиус Владимир (Вольдемар) Васильевич // Русские писатели: 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1 С. 565—566. Одна из первых современных публикаций: Владимир Гиппиус [стихи]. Предисл. и публ. Р. Д. Тименчика // Родник № 4. С. 27—29 (опубликован отрывок из поэмы Гиппиуса «Лик человеческий»).

²⁶ См., например: Гиппиус Вл. О самом себе / Подгот. текста, публ. и послесловие Евг. Биневица // Петрополь. Литературная панорама. 1993—1996. — СПб., 1996. С. 119—132; Проза Владимира Гиппиуса. Предисловие и публикация В. Н. Быстрова // Писатели символистского круга: Новые материалы / Ред. В. Н. Быстров, Н. Ю. Грыкалова, А. В. Лавров. СПб., 2003. С. 28; Вл. В. Гиппиус. Ничтожные слова о ничтожных делах. Предисловие, подготовка текста и примечания Александра Меца. // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 422—434;

мои «новые» стихи; сами же писали такие, в которых мы сразу увидели то нарочитое извращение, что, на мой взгляд, уже с самого начала было «старым» и настоящим *decadence* — упадком. О В. Гиппиусе много писать нечего. Мы потом видались нередко, он напечатал тоненькую книжку своих стихов, которую я убедила его не выпускать в свет; писал впоследствии и другие стихи (под псевдонимом Бестужев) — неважные»²⁷.

Еще в 1896 году З. Гиппиус пытается воздействовать на своего троюродного брата, предостерегая его от крайностей декадентства. «Будьте осторожны — чтобы не быть, хотя самое короткое время, смешными.» — пишет она, излагая причины своего отказа участвовать в сборнике «Горные вершины». Мережковский делает приписку: «Все это резко, но во многом, я думаю, верно. Я тоже не знаю, могу ли участвовать в сборнике, где Добролюбов. Лучше подальше. Я знаю, — Вы отойдете от них, — они все очень старые <...> Пуще огня боюсь всякого декадентства, и даже всякого к нему прикосновения»²⁸. А 7 июня 1897 года она писала Сологубу о его новых стихах: «Я рада за него, декадентничанье его, Добролюбова и Квашнина было жалко и стыдно, хорошо, что он один сумел это победить»²⁹.

Внимательно следивший за творчеством поэта Сологуб писал Гиппиусу 25 июля 1897: «...Вы, к моему искреннему прискорбию, в последнее время начали отметать декадентство. Это — влияние Мережковских? И особенно Зинаиды Николаевны? <...> В Вас, кажется, засела злосчастная мысль о том, что время изменилось, что-то такое вышло из моды, нужно что-то иное, новое и т. д. <...> Впрочем, З. Н. серьезно думает, что декадентство только в том и состоит, что какие-то шалопуты видят звуки и любят зло»³⁰. Заметим, что в романе «Победители» «злосчастную мысль» озвучивает позитивист Юрий Карышев: «Я уж признался вам, что не имел охоты следить за всеми этими болезненными вскриками господ, называющих «а» сладким и «б» зелено-горьким, обожающих все неестественное <...> и пишущих для удобства «зло» через большое «З» (С. 215).

---

²⁷ «Дмитрий Мережковский» // Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. М., 2002. С. 242—243.

²⁸ Письмо от 7 марта 1896 года. РНБ. Ф. 481. Е. х. 38. Л. 4—4об.

²⁹ Лавров А. В. З. Н. Гиппиус и ее поэтический дневник. С. 21. См. также письмо З. Гиппиус к З. А. Венгеровой от 3 июля 1897 г.: «Что касается Гиппиуса — то он, по моему, стал писать очень недурно. У него есть прямо хорошие вещи, совсем не декадентские, простые, как у Пушкина. Это меня искренно радует...» (Цит. по: З. Н. Гиппиус. Стихотворения / Вст. ст., сост., подг. текста и примеч. А. В. Лаврова — СПб., 1999. Примечания. С. 497.

³⁰ Цит. по: Проза Владимира Гиппиуса. С. 27.

Некоторые изменения в настроениях поэта замечает и Брюсов. 10 декабря 1898 года он записывает в дневнике: «Вечером был у В. Гиппиуса. Там был Я. Эрлих. Беседовали довольно вяло часов до 12. Гиппиус переменялся, но внешне; он говорит о простоте, смеется над мудрствованиями немецких философов, но в сущности он все тот же автор «Ворона»³¹. Стихи его любопытны». Запись апреля — мая 1899 года: «Заезжал Вл. Гиппиус и сидел у меня 3 часа, читал много стихов и удивлялся, по какой причине печатают в журналах те стихи, которые там печатаются». И — позднейшая запись (январь, 1902): «Приезжал Вл. Гиппиус. Все более и более теряет своеобразие. Женится и скоро будет «как все». Не лишен еще ума, но уже почти не пишет стихов. От литературы как-то отстал»³².

Сам Гиппиус не был доволен новыми стихами, написанными под влиянием Мережковских. 21 июня 1897 года он писал Сологубу: «Мережковские мои последние стихи хвалили <...>, а мне от них тоска, потому что надо писать гораздо лучше, а я, сдаётся, лучше не умею»³³. Сами же Мережковские в этот период для Гиппиуса — вдохновляющий пример подлинно творческих людей: «Зин. Ник. читала мне свои новые стихи, говорила про свои новые рассказы. Вот как нужно работать то! Бог им в помощь! Они люди живые, и притом люди литературы. В этом смысле на них нельзя смотреть без любви»³⁴.

Однако вскоре Гиппиус отходит от Мережковских, не принимая участия в их начинаниях (журнале «Новый путь», Религиозно-философских собраниях), а потом и вовсе отходит («отрекается») от литературы и становится учителем гимназии (с 1904 года — преподаватель петербургской женской гимназии М. Н. Стоюниной; с 1906 — штатный преподаватель Тенишевского училища). В 1908 году, когда возвращение к литературе состоялось, он приходит к Мережковским, но остается недовольным настроениями, царящими в их кружке: «...но придя к Мережковским, после долгих лет отступничества, только услышал — и сразу отшатнулся, только от одного того, что услышал. До того чуждой показалась мне та холодная романтическая выпренность внутри и литературная суета снаружи, какие отличали этот центральный петербургский кружок»³⁵. Однако

---

³¹ Стихотворение, вошедшее в книгу «Песни», начинающееся строчкой «От затхло-го гупа поднялся бездомный, тоскующий ворон».

³² Брюсов В. Дневники (1891—1910) М., 1927. С. 54, 69, 113.

³³ ИРЛИ Ф. 289 Оп. 3. Ед. хр. 185. Л. 4 об.

³⁴ Там же. Л. 4.

в 1912 году, после долгих колебаний, он снова приходит к Мережковским и получает от них «второе крещение».

Нетрудно заметить, что вся история отношений Вл. Гиппиуса с Мережковскими проходит под знаком двойственности: взаимный интерес (а то и восхищение — см. выше) сочетаются с взаимным же неприятием³⁶ и критикой в адрес друг друга. Об одной из объективных причин этого неприятия (речь идет уже о 1910-х годах) мы можем судить по имеющемуся у нас мемуарному свидетельству. Дочь В. В. Розанова, Н. В. Розанова описала свою встречу с Вл. Гиппиусом (он был ее учителем литературы) в 1920-м году в Петрограде. Гиппиус пригласил ее к себе, чтобы покаяться в «грехе»; здесь же он дал, пожалуй, исчерпывающую характеристику своих отношений с Мережковскими:

«Гиппиус встретил меня словами (выписка из моего дневника 1920 года):

— Когда я узнал о вашем приезде, я очень захотел вас увидеть, чтобы сказать об одном. Это грех моей жизни, это подлость, которую я сделал в жизни. Я, может быть, недолго проживу и я хотел бы, чтобы вы это знали. Может быть, вы даже запишите.

Когда решили Мережковские исключить вашего отца из Религиозно-философского общества, то в их квартире происходили бурные заседания. Я выступал на них. Я говорил, что нельзя из-за политических выходов исключать таких членов, как Розанов. Пусть все, что он говорит, отвратительно скверно, но его литературное значение от этого не меньше. Он остается как писатель. Я им прямо сказал: «Если бы это сделал Толстой, Соловьев, Достоевский, — исключили ли бы его, как вредного члена, что он мешает им для проведения идей». Мережковские требовали, чтобы я подписался, но я не соглашался. Когда настал день — я не пошел на собрание и послал записку: «Примыкаю к мнению большинства». В этом была моя подлость. Как мог я это сделать? Но, понимаете, я был страшно связан с Мережковскими. Я ходил к ним не как родственник, а как человек близкий их идеям. Они играли роковую роль в моей

---

³⁵ Гиппиус Вл. О самом себе / Подгот. текста, публ. и послесловие Евг. Биневича // Петрополь. Литературная панорама. 1993—1996. — СПб., 1996. С. 122.

³⁶ Имеется свидетельство отрицательного отношения Гиппиуса к Мережковским, относящееся еще к периоду «Северного вестника». А. Горнфельд вспоминал: «...говорящим его [А. Добролюбова — Ю. Р.] был одноклассник и друг Влад. В. Гиппиус, также поэт, критик и впоследствии известный петербургский педагог. Говорили о современной литературе, причем один из присутствующих удивил меня резко отрицательным отношением к Мережковским». (А. Горнфельд. Тридцать лет назад. // «Памяти А. Л. Вольнского». Л., 1928). Речь здесь явно идет о Вл. Гиппиусе.

жизни. Я не мог порвать с ними, связь была такая, что, порвав ее, я как бы убил часть своей души. Мне надо было выбрать — Розанов или Мережковские? И я выбрал Мережковских. Но, уходя, я сказал: «Я вам этого никогда не прощу». С этого времени я перестал ходить в Религиозно-Философское общество, и в корне подорвалось мое отношение к Мережковским.

<...>

— Мережковские, — сказал Гиппиус, — всегда играли двойную роль в отношении декадентов. Помните вы его статью в книге «Не мир, но меч», страницы о Добролюбове? Ведь это все неправда. Они даже его не принимали вначале (я ведь очень близок был с Добролюбовым), а после в книге своей он называет его «Франциском Ассизским».

Владимир Васильевич рассказал мне характерный анекдот. Когда он женился, то вскоре после этого события пришел к Мережковским. Они встретили его «завываньем» — как мог он это сделать? Как мог он, читая Ницше, вдруг жениться подобно всем смертным? Владимир Васильевич рассердился и ушел. А через несколько дней он сидел на литературном собрании рядом с папой, и папа, нагнувшись к нему, прошептал:

— С законным браком, батенька!

— И так это вышло хорошо! — воскликнул Гиппиус. — Только так и нужно было!»³⁷

При этом с самого начала Гиппиус неизменно высоко оценивал Мережковского как критика — большую статью о нем он помещает в журнале «Голос жизни», редактировавшимся Д. В. Filosoфoвым³⁸.

Свое отношение к новым стихам Гиппиуса, для которых характерны были пантеистические мотивы, излишняя сосредоточенность на собственном лирическом «я», Зинаида Николаевна выразила в посвященном поэту стихотворении «Псалмопевцу» (датируется декабрем 1912 года и входит в книгу «Дневник 1911 — 1921»):

---

³⁷ Примечание к книге Н. В. Розановой «Из моих воспоминаний»: цит. по: «Новый журнал», 1968, № 92. С. 131 — 132.

³⁸ В. Бестужев <псевдоним В. Гиппиуса>. Литературно-общественная смена. // Голос жизни. 1915. № 9. Гиппиус, в частности, пишет: «Мережковский — не один, конечно, но он самый крупный знак последнего литературного двадцатилетия...» — с. 18.

Философов еще в 1894 писал Гиппиусу: «Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Не найдете ли Вы возможным прислать мне 3 Ваших стихотворения. <...> Зовут меня Дмитрий Владимирович» — (письмо от 20 декабря; ИРЛИ. Ф.77. Ед. хр. 225. Л. 1); А 1 апреля 1900 прочил ему большое будущее как критику: «Очень был бы рад, если бы Вы постепенно втянулись в литературную критику. По всему вижу, что это Ваше дело. И тон верный, и по поверхности не скользите. Ну, да об этом при свидании» (Там же. Л. 7).

Твоей человеческой воле
одной — не ответит Господь.
Ты ждешь и поешь — но Его ли,
Приявшего бедную плоть?

Не в звездных пространствах — Он ближе,
Он в прахе, в пыли и в крови.
Склонись, чтобы встретил Он, ниже,
Склонись до земли — до любви.

В 1913 году в статье «Жизнь и литература. О «Я» и «Что-то» Гиппиус отзовется на сборник В. Гиппиуса «Возвращение»; снова характеризуя его как «поэта-индивидуалиста», одинокого до отвлеченности», для которого «есть только «Я» она выражает надежду на его «возвращение», на приход к «желанному синтезу» между «Я» и «Что-то»³⁹.

Любопытно и то, как позднее предомлилось в сознании Гиппиуса отношение к декадентству. В автобиографической заметке он утверждает, что лишь оно было «событием настоящей жизни», символизм же был подделкой, уступкой. Декадентство это и есть литература; оно же — обещание подлинного преображения, завет воскресенья во плоти: «Поддам свою неизменную руку декадентству, которое первое до безумия переживало безбожие, и я верю, что с пророческой страстностью хотело Бога ... Оно могло от бессилия падать в ничто, в самые скучнейшие будни, но не могло удовлетвориться ничем, кроме Церкви. Подлинной, Христовой, — и в которую оно войдет с верой такой неустойчивой, как неустойчиво было его безбожие»⁴⁰

Последнее, имеющееся у нас свидетельство отношения Гиппиуса к своим литературным «крестным» — письмо Татьяны Николаевны Гиппиус (сестры Зинаиды Николаевны) супругам Мережковским от 30 июня 1917 года: «Гиппиуса я воссоединила с нами. <...> Он считает, что Дмитрий и Зина настолько индивидуалисты (и в этом их сила), что вместе подлинно <?> ничего быть не может. В центре идей стоит практический *дезорганизатор*, Дмитрий, и Зина разрушительница коллектива и явная законодательница. Что один только Дмитр. Влад. честно сказал, что ничего *практически* мы не создадим, так же честно сказал это и Антон Владимирович, когда я пришел к нему. Дм. Серг. сказал, что ему «не мешает» быть писателем, ковры, путе-

³⁹ <Антон Крайний>. Новая жизнь, 1913, № 2. Стб. 171—173.

⁴⁰ О самом себе. С. 130.

шествия в 11 ч. спать. З. Н. сказала, что я хочу быть пророком, «а я знаю, что я не могу быть директором Тениш. училища если я пойду по этому пути»⁴¹

Таким образом, перед нами история так и не воплотившегося до конца союза, история отношений, которые можно охарактеризовать как «дружбу-вражду»; очевидно, первое — неприятное — впечатление, произведенное поэтом-декадентом сыграло здесь первостепенную роль. Впрочем, неизвестно, как складывались бы их отношения, если бы последующие события не развели их — уже географически.

Возвращаясь к нашему роману, мы не можем не отметить такой нюанс. З. Н. Гиппиус, публикуя его в популярном журнале для массового чтения, как будто прибегла к противоположной стратегии в сравнении с Вл. Гиппиусом, отказавшимся выпустить свою книгу «в свет»: в ее случае эта стратегия носит коммерческий характер; в его — эзотерический. Однако и Зинаида Николаевна, очевидно, склонна была так или иначе ориентироваться на «ближний круг» литераторов, входивших в их кружок (заметим, что это были не только писатели-модернисты) — именно они могли уловить в романе тот поэтический и биографический слой, который мы попытались исследовать в нашей заметке⁴².

---

⁴¹ РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 217. Л. 13—13 об.

⁴² Следует отметить, что образ Александра Елисеева, конечно, «синтетический»: кроме уже указанных параллелей, отдельные его высказывания ассоциируются с Ф. Сологубом.